

КАЗИС ЛАБАНАУСКАС (Дудинка)

НЕНЕЦКИЙ ПРЕТЕРИТ

В ненецком языке есть прошедшее время изъявительного наклонения с показателем $-š(V)$: тундр. *jileš* 'он жил', *siððe aromdāmbimsi* 'Euch habe ich erzogen' (Castrén 256); *ñnš̄i* " *ʒarʒā*"¹ 'Du wolltest nicht' (Lehtisalo 339); лесн. *ηαετарт̄ηαš* (Вербов 107) 'он отправил'.

Ненецкое прошедшее в отличие от других времен этого языка изучено довольно хорошо.

М. А. Кастрэн, именуя ненецкое прошедшее вторым временем, писал, что оно передает действие, которое совершалось раньше и уже закончилось.¹ По Н. М. Терещенко, «формы прошедшего времени употребляются обычно для обозначения действия, предшествовавшего по времени другому действию, а также в тех случаях, когда в контексте особо подчеркивается, что действие это не относится к данному моменту, а совершилось (или совершалось) в более или менее отдаленном прошлом».²

О ненецком прошедшем с показателем $-š(V)$ писали Г. Н. Прокофьев³, И. Ангере⁴, Б. Коллиндер⁵ и П. Хайду⁶. Они трактовали это время в основном так же, как М. А. Кастрэн и Н. М. Терещенко.

Вернуться к теме прошедшего времени нас побудила статья И. Н.-Шебештьен о юрако-самодийском спряжении, в которой дается несколько иная трактовка этого времени.⁷

И. Н.-Шебештьен, проанализировав ряд форм, относящихся, по ее мнению, к ненецкому прошедшему, пришла к выводу, что в ненецком языке нет второго времени с претеритальным значением (стр. 199). Это довольно неожиданное заключение. Целесообразно остановиться на том, каким путем И. Н.-Шебештьен пришла к нему.

1. Прежде всего бросается в глаза, что И. Н.-Шебештьен, исследуя ненецкое прошедшее, приводит формы, относящиеся к различным временам и наклонениям современного ненецкого языка лишь на основании наличия у них суффикса, похожего на показатель прошедшего времени $-š(V)$. Она приводит несколько форм кондиционалиса с суффиксом $-sa$

¹ М. А. Castrén, Grammatik der samojedischen Sprachen, St. Petersburg 1854, стр. 376.

² Н. М. Терещенко, Очерк грамматики ненецкого (юрако-самоедского языка), Ленинград 1947, стр. 187.

³ Г. Н. Прокофьев, Ненецкий (юрако-самоедский) язык. — Языки и письменность народов Севера I, Москва—Ленинград 1937, стр. 41.

⁴ J. Angere, Die uralo-jukagirische Frage, Uppsala 1956, стр. 106, 107, 110.

⁵ B. Collinder, Survey of the Uralic Languages, Uppsala 1957, стр. 439.

⁶ P. Hajdú, Chrestomathia Samoiedica, Budapest 1968, стр. 62.

⁷ I. N.-Sebestyén, Zur juraksamojedischen Konjugation. — FUF XXXVIII (1—3) 1970, раздел «Das sog. «Präteritum», стр. 194—200.

(-še, -ši): *tāšēd* 'hast du sie gebracht?' (Lehtisalo 48), *ñum.ōže amōē.ñāššy* 'Wie mag sein Name gewesen sein?' (Lehtisalo 184). Сопоставляя эти формы с теми формами прошедшего, в которых показатель имеет гласный, например, *mādamšēnu* 'ich sagte' (Lehtisalo 88), *ñisi mī.eh* 'er war nicht' (Castrén 184), исследователь отмечает, что показатели кондиционалиса и прошедшего связаны друг с другом, идентичны (стр. 195, 196). Отсюда делается вывод, что формы типа *jileš* 'он жил' представляют собой не прошедшее время, а кондиционалис.

По нашему убеждению, такой подход к ненецкому прошедшему с показателем -š(V) вряд ли оправдан. Дело в том, что в современном ненецком языке прошедшее и интеррогатив (вопросительное наклонение, по терминологии И. Н. Шебештьен — кондиционалис) четко разграничены как структурно, так и семантически. Во-первых, показатель интеррогатива -sa (-še, -ši) стоит за основой глагола: *manzarasaβa* 'работали ли мы?', *šertasado* 'сделали ли они?'. В этих формах порядок расположения формантов закономерен. Прошедшее же с -š(V) образуется иначе. Его показатель находится в абсолютном конце формы: *manzaraβatš* 'мы работали', *šertadonš* 'они сделали'. Здесь расположение формантов аномально, оно указывает на то, что показатель времени -š представляет собой остаток вспомогательного глагола *быть*.⁸

Во-вторых, интеррогатив и прошедшее время различны по своей семантике. Интеррогатив передает вопрос, осуществлялось ли осуществилось ли действие (событие, процесс) до момента речи, и, таким образом, относится к разряду наклонений.⁹ Интеррогатив обладает своей микросистемой, состоящей из двух различных форм: первая типа *manzarasaβa* 'работали ли мы?', вторая типа *manzaraŋgusaβa* '(разве) мы работали бы?'.¹⁰

Прошедшее же время с показателем -š(V) выражает действие, которое реально, несомненно совершилось или совершалось до момента речи. Это типичное индикативное время. Если его формы и получают иногда оттенки значений косвенных наклонений, то только при наличии либо особых условий контекста, либо лексических показателей модальности *maši* 'возможно', *hādri* 'должно быть' и т. п. По нашим сведениям, это бывает редко.

Наиболее типичное употребление прошедшего времени проиллюстрируем на примерах: лит. *ñoka' xava' nup jaχ' təvorčadamzβ* 'много раз попадал я в такие места, что, казалось, смерти не избежать' (Терещенко 712); *Нудо' тэнгэ мэти хонсеню* 'Ты же встречал людей, которые запрягают людей вместо оленей' (Пырерка 23); *Хоб'мана итава' тэмданггува*. *Пон идм ехэраваць* 'За шкуры водки купим. Долго мы водки не видели' (Вылка 29); ям. *Некада ханеванзь хаясь, хуняна тута* (Истомин 102) 'Ее старший брат уехал на охоту, завтра приедет'; фольк. тундр. *jid_jērβ nā'* *oḅpòì štōlχaŋny oḅbor_šēlti_ββatš* 'Mit dem Wassergeist zusammen am Tische pflegten wir zu essen' (Lehtisalo 291); лесн. *šīññi χāλ''ñūmmv'' mañ nlmmaqš mannāšš'* 'Ich habe nicht unser Ei von neu-lich gesehen' (Lehtisalo 143).

В приведенных примерах есть интересующие нас формы прошедшего

⁸ Б. А. Серебренников, Вероятностные обоснования в компаративистике, Москва 1974, стр. 324.

⁹ В лесном наречии ненецкого языка выделено вопросительное наклонение с суффиксом -s (см. Г. Д. Вербов, Диалект лесных ненцев. — Самодийский сборник, Новосибирск 1973, стр. 99).

¹⁰ Подробнее на интеррогативе остановимся в другой раз.

тэворнадамзь 'я попадал', хонсеню' 'ты же встречал' и другие, которые имеют индикативные претеритальные значения. Никаких потенциально-кондициональных значений, о которых пишет И. Н.-Шебештьен, здесь не обнаруживается.

2. Пытаясь показать специфику ненецкого претерита, И. Н.-Шебештьен приводит и другие времена и наклонения, которые, на наш взгляд, явно не относятся к этому претериту. Так, она указывает одну форму, отличительным признаком которой служит суффикс *-ŋkū* в сочетании с *-ś*. По мнению И. Н.-Шебештьен, эта форма тоже свидетельствует о том, что ненецкий претерит не обозначает действия, совершающегося в прошлом (стр. 197, 198).

Здесь речь идет об одной форме, которая, хотя и довольно часто употребляется в разговорной речи и фольклоре, но еще не получила почти никакого описания в научной литературе. Она образуется с помощью показателей будущего первого времени *-ŋgu*, *-dV* (*-tV*) и прошедшего *-ś(V)* и является своеобразным синтезом времени и наклонения. Например: тайм. *mansaraŋguś* 'он намеревался работать; он мог бы работать; он работал бы, но', *hantaś* 'он пошел бы, но'. Специфика этой формы состоит в обозначении такого действия, которое должно было или могло бы совершиться или совершаться до момента речи, но так и осталось несовершеншимся по каким-то причинам. Она же передает действие, которое кто-либо намеревался, стремился совершить, но не совершил из-за каких-то помех.

Лит. ям. *поёрць хантадамзь, лэ'ладм'* 'я собиралась пойти по дрова, но расхотела' (Терещенко 206); *Пухуцянд ню юрканггуць, лэндуцяря няби ха паханд лад' нивав'* 'Сын старушки хотел встать, тупица ударила в ухо' (Пырерка 34); фольк. *Меява' ханавэда', мань хар'н мэгувась* (ЭПН 640) 'Вы увезли нашу невестку, а я сам хотел ее взять (в жены)' (ЭПН 649); *ñékkádv jiv' ñámŋŋ'udāś, ñāntā. pāŋqat qāđidv bīřkkádv* 'Der ältere Bruder versuchte freilich festzuhalten, am Rocksäum seines Bruders seine Fingernägel glitten ab' (Lehtisalo 210); лесн. *teŋ pit tomān qawmān jo'leś ñitamś kaen'** 'Если бы ты вчера пришел, я не пошел бы рыбачить' (Вербов 116).

Форму с показателем *-ŋgu*, *-dV* (*-tV*) + *-ś(V)* мы именуем будущим-прошедшим временем, ориентируясь на соответствующие сведения о ней у Т. Лехтисало.¹¹ Особенно важно подчеркнуть, что между будущим-прошедшим временем и прошедшим с показателем *-ś(V)* есть существенная разница как в их структуре, так и в семантике. Будущее-прошедшее нередко обозначает нереальное прошлое действие и, по всей вероятности, находится в стадии становления особым конъюнктивом.¹² Прошедшее же на *-ś(V)*, как уже показано, передает реальное прошлое действие. Для наглядности приведем сопоставление:

¹¹ Т. Lehtisalo, Über die primären ururalischen ableitungssuffixe, Helsinki 1936 (MSFOu LXXII), стр. 240.

¹² Согласно А. М. Щербяковой, в ненецком языке есть вторая форма сослагательного наклонения, характеризующаяся сочетанием суффикса будущего времени с суффиксом прошедшего, например, *хонггудонзь* 'они могли бы найти' (А. М. Щербякова, Будущее время в ненецком языке. — Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена 111, Ленинград 1955, стр. 160, 161; ее же, Формы отрицания в ненецком языке. — Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена 101, Ленинград 1954, стр. 188, 202). Однако пока нет убедительных аргументов в пользу наличия здесь особого сослагательного наклонения. Во-первых, в форме типа *хонггудонзь* нет показателя косвенного наклонения, во-вторых, ее показатель состоит из показателей двух индикативных времен.

* По техническим причинам транскрипция Вербова заменена финно-угорской. (Редакция).

Форма типа *mi''jidams* 'я отдал бы' является конъюнктивом и указывает на то, что действие, выраженное основой глагола, реально не осуществилось, но могло бы осуществиться при известных условиях. Это вторая форма конъюктива (первая *mi''jidm* 'давай-ка я отдам', третья *mi''medm' ηjidams* 'я, может быть, отдал бы'). Важно подчеркнуть, что конъюнктив *mi''jidams* 'я отдал бы' не относится к прошедшему времени индикатива, не тождествен его форме *mi''nadams* 'я отдал' и, следовательно, не помогает раскрыть специфику значения последней.

Другая форма — *tañeβeťs* 'они имелись когда-то' — принадлежит плюсквамперфекту изъявительного наклонения. В отличие от соответствующей формы прошедшего *tañeťs* 'они имелись' она обозначает состояние, которое было когда-то давно, о котором судят по рассказам людей или по другим косвенным данным.

Примеры на употребление плюсквамперфекта: лит. *нэсына'' няхарамд''ма тэтахйна манзаравысь* 'треть нашего селения когда-то работала на кулака' (Терещенко 361); ям. *Ленин Ямалан' турма' мальнггана мань нюдядм нгэвздамзь* (Истомин 123) 'Говорят, что, когда Ленин приезжал на Ямал, я был маленьким', фольк. м.-з. *Муно' погна нисьяв намдвы, мамыць: «Носитэтана ацькы тане»* (ЭПН 547) 'От людей отец слышал, говорили: «У Носитэта живет подросток»'.

Плюсквамперфект с показателем $-\beta i (-mi) + -s$, как правило, имеет значения, заметно осложненные модальными оттенками косвенных наклонений, в первую очередь наклонения неочевидности действия. Это время близко к прошедшему на $-s(V)$, но не тождественно последнему и тем более не указывает на его отсутствие.

Прошедшее с $-s(V)$		Будущее-прошедшее с $-\eta gu, -dV (-tV) + -s(V)$	
<i>me dam s</i>	'я взял'	<i>me ngu dam s</i>	'я хотел взять, но'
<i>hañima s</i>	'он замерз'	<i>hañim da s</i>	'он замерз бы'
<i>sil t s</i>	'он взглянул'	<i>sil t t s</i>	'он мог бы взглянуть, но'
<i>ñi s hañ''</i>	'он не уехал'	<i>ñi s hañ t''</i>	'он не уехал бы'

Таким образом, будущее-прошедшее можно сравнивать с прошедшим лишь постольку, поскольку у обоих есть суффикс $-s(V)$. По остальным же признакам они различны. Следовательно, будущее-прошедшее вряд ли может служить аргументом при доказательстве того, что прошедшее с показателем $-s(V)$ не обозначает действия, совершавшегося до момента речи, или что этого времени вообще нет.

И. Н.-Шебештьен приводит еще формы типов *mi''idamsi* 'я отдал бы' и *daññeβeťs* '(говорят,) они когда-то имелись', видимо, тоже с целью доказать отсутствие претеритального значения у прошедшего (стр. 198). Однако между ними и формой прошедшего времени существует только некоторое внешнее сходство при качественном различии в их значениях, что явно уже из следующего сопоставления:

<i>mi''nadam s</i> 'я отдал'	<i>mi'' ji dam s</i> 'я отдал бы'	<i>mi'' me dam s</i> '(говорят,) я отдал когда-то'
<i>tañeťs</i> 'они имелись'	<i>tañe ji t s</i> 'они имелись бы'	<i>tañe βe t s</i> 'они имелись когда-то'

Заключение

Итак, рассмотрен ряд различных форм, в которых, кроме других суффиксов, есть $-š(V)$. Эти формы приводились И. Н.-Шебештьен с целью доказать, что в ненецком языке нет претерита, что суффикс $-š$ ($< *-ša, *-šaj \sim *-šej$) — это показатель кондиционалиса, придающий глагольным формам кондиционально-потенциальное значение.

Представляется, что эта цель И. Н.-Шебештьен вряд ли достигнута. Ее можно было бы достигнуть, только отождествив формы, в которых есть суффикс $-š(V)$, но которые принадлежат к различным временам и наклонениям. Так, сравнивая *mi''nadams* 'я отдал' и *mi''jidams* 'я отдал бы', можно бы констатировать, что первая является кондиционалисом, если оставить без внимания то, что у второй есть суффикс $-ji$ конъюнктива и неиндикативное значение. Но такой метод исследования не может привести к удовлетворительному познанию времен и наклонений. Изучая глагольные формы современного ненецкого языка, приходится считаться с тем, что они более или менее ясно разграничены структурно и функционально. Каждая из них требует отдельного изучения.

Конечно, здесь есть свои трудности. Современный ненецкий язык еще не достиг того уровня, при котором каждое грамматическое значение выражается различными, внешне не похожими формантами. Иногда один и тот же суффикс имеет различные значения. Например, *-raha*: *βeβarahaβorts* 'стыдиться', *ñib'araha* 'иглоподобный' и *mēnarāhaβ* 'я, кажется, взял'; в первой форме он выступает как словообразовательный, во второй — формообразовательный, в третьей — словоизменятельный (показатель наклонения).

Аналогичное явление наблюдается и в финитных формах с суффиксом $-š(V)$. Сохраняя свой материальный вид, он сочетается с другими суффиксами и выступает в качестве показателя различных времен и наклонений. Без других суффиксов $-š(V)$ образует формы прошедшего времени индикатива типа *jiles* 'он жил', *manzaraβats* 'мы работали', способные передать действие (событие, состояние, процесс), совершившееся или совершавшееся до момента речи. Это время было впервые выделено М. А. Кастреном, позднее накапливались новые сведения о нем. Нельзя считать изучение прошедшего законченным. Еще остаются открытыми такие вопросы: почему в формах прошедшего сохраняются некоторые суффиксы Aktionsart со значением многократности действия, служащие для выражения настоящего времени, например, *ñada|bi|sβ* (ЭПН 250) 'он помогал', *jadə|r|ñavaβ* 'мы ходили' (Терещенко 743); почему прошедшее, если оно возникло путем синтеза форм аориста и претеритальной формы вспомогательного глагола *быть*, обозначает не только длительное, но и законченное прошлое действие. Решение этих и других вопросов предполагает анализ прошедшего с показателем $-š(V)$ как самостоятельного члена системы времен индикатива, без попытки приписать несвойственные ему функции и идентифицировать его с другими, хотя бы внешне и похожими временами и наклонениями. Сопоставление же прошедшего с другими временами и наклонениями, в формах которых, помимо прочих суффиксов, есть и $-š(V)$, полезно и необходимо при реконструкции древней системы времен и наклонений ненецкого языка, изучении путей и основных тенденций развития этой системы.

лесн. — лесное наречие ненецкого языка, м.-з. — малоземельский говор тундрового наречия ненецкого языка, **тайм.** — таймырский говор тундрового наречия ненецкого языка, **тундр.** — тундровое наречие ненецкого языка, **ям.** — ямальский говор тундрового наречия ненецкого языка.

Вербов — Г. Д. Вербов, Диалект лесных ненцев. — Самодийский сборник, Новосибирск 1973; **Вылка** — Н. С. Вылка, Марья, Ленинград 1938; **Истомин** — И. Истомин, Маймбава, Тюмень 1960; **Пырерка** — А. П. Пырерка, Пухуя нгоб'ню, Ленинград 1939; **Терешенко** — Н. М. Терешенко, Ненецко-русский словарь, Москва 1965; **ЭПН** — Эпические песни ненцев, Москва 1965; **Castrén** — M. A. Cast-rén, Samojedische Volksdichtung, Helsinki 1940 (MSFOu LXXXIII); **Lehtisalo** — T. Lehtisalo, Juraksamojedische Volksdichtung, Helsinki 1947 (MSFOu XC).

KAZYS LABANAUSKAS (Dudinka)

DAS NENZISCHE PRÄTERITUM

In der nenzischen Sprache gibt es das Präteritum des Indikativs mit dem Kennzeichen *-š(V)*, z. B. *ji'leš* 'er lebte', *manzaraβaš* 'wir arbeiteten'.

Dieses Tempus wurde seit M. A. Castrén vielfach in der samojedischen Fachliteratur erörtert und ist deswegen am besten bekannt. Aber in letzter Zeit erschien I. N.-Sebestyén's Artikel «Zur juraksamojedischen Konjugation», wo das nenzische Präteritum originell interpretiert wird. I. N.-Sebestyén zieht die Schlußfolgerung, das Nenzische habe keine Zeitform mit der Bedeutung des Präteritums. Nach den Possessivsuffixen der als Präteritum gedeuteten Formen erscheine das Suffix **-ša* bzw. **-šaj* ~ *-šej* des Konditionalis. Diese Formen haben ihrer Bedeutung nach konditional-potentialen Sinn.

Zu diesem Resultat ist I. N.-Sebestyén gekommen, verschiedene kaum vergleichbare Tempora und Modi, deren Suffixe das Element *-s* haben, mit dem Präteritum gleichstellend und sein Kennzeichen *-š(V)* mit jenen Suffixen identifizierend. Im Artikel werden die Gleichstellungen von I. N.-Sebestyén kritisch umgewertet. Zugleich versucht man zu beweisen, daß das Präteritum ein typisches Indikativ-Tempus darstellt. Es ist dazu geeignet, um die vor dem Redemoment vollzogene Handlung (Tat, Geschehnis, Zustand) auszudrücken.